

ние ее с особой наглядностью показывает, как проявлялась художественность изложения в памятниках, имевших даже прямое деловое назначение, другими словами — как письменность превращалась в художественную литературу. Само собой разумеется, что не только реалистические элементы свидетельствовали об этом нарастании художественности — изучению подлежат и все те способы, какими осуществлялось в древнерусской литературе «идеальное преобразование жизни». Среди них, возможно, также обнаружатся не только специфичные лишь для феодального периода, но и такие, которые при всем своем своеобразии чем-то предвещают в будущем новые литературные направления. В настоящей статье речь пойдет только о проявлении реалистических тенденций в художественных элементах различных памятников XI—XV вв., изображающих и жизнь «какая она есть», и идеально преобразенный мир.

Практически-нормативная, т. е. по существу деловая, функция древнерусской литературы, полностью исходившая от требования жизни, вынуждала временами писателя не ограничиваться изображением идеальной нормы поведения и выходить за рамки воспроизведения «с наибольшей достоверностью единичных фактов действительности», «строго документального изложения» (стр. 76), «чисто эмпирической констатации единичных фактов в их поверхностной взаимосвязи» (стр. 77). В этом определении И. П. Еремина учтен только один вид «достоверности» — достоверность документа, в точности воспроизводящего реально существующий факт, действительно совершившееся событие, то, что К. А. Федин в своих «Литературных беседах» назвал воспроизведением жизненных фактов, неспособным передать «правду жизни», воплотить «действительность в образе», привести к «познанию развития действительности».⁹ Между тем искусство слова знает и другой вид «достоверности» — когда художественный вымысел раскрывает внутренний смысл реального факта, события, психологию реально существовавшего лица, когда жизненно правдиво изображается то, что могло быть, хотя в действительности именно так и не происходило. Только на этом пути «создания образов, буквально — воображаемых картин, рисующих нам как бы квинтэссенцию действительности, или правду жизни», со временем вырастет мастерство «типизации явлений»,¹⁰ т. е. реалистический метод.

Когда жизнь ставила перед древнерусским писателем особо серьезную задачу — общественно-политического или морального характера, он стремился наиболее убедительными средствами выражения привести читателя к своей точке зрения на описываемое событие и его участников, приблизить к жизни идеально преобразенный образ. В таких случаях писатель, рисуя жизнь «какая она есть», стремился не просто точно («с протокольной точностью»), но и художественно правдиво воспроизвести ход событий, раскрыть хотя бы основное в психологии их участников, сделать изображение воздействующим и на сознание и на эмоции читателя, способствующим усвоению им авторской оценки. С той же целью — самым способом изображения подчинить сознание читателя своему идейному замыслу — писатель иногда индивидуализировал характеристику героя, построенную методом идеального преобразования жизни, вводил в нее реальные исторические черты, приближал к конкретной исторической действительности.

Такие отступления от обоих «основных методов изображения жизни» мы наблюдаем в каждом из выработавшихся в древнерусской литературе

⁹ Конст. Федин. Писатель. Искусство. Время. «Советский писатель», М., 1957, стр. 371.

¹⁰ Там же. стр. 371—372.